

¹³ РГАДА. Ф. 188. № 1585. Л. 1; № 1589. л. 1; № 1586. Л. 1; № 1584. Л. 4об.; № 1588. Л. 1; № 1574. Л. 66. См. также: *Парфентьев Н. П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв. Свердловск, 1991. С. 97 и др.; *Зверева С. Г.* Музыкальные черновики хора государевых певчих дьяков начала XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1997.

¹⁴ РГАДА. Ф. 188, № 1579. Л. 8, 1об.; № 1591. Л. 1.

¹⁵ См.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 197.

¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 188. № 1579. Л. 8.

¹⁷ См. подробнее о нем: *Парфентьев Н. П.* Профессиональные музыканты Российского государства XVI–XVII вв.: Государевы певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и подьяки. Челябинск, 1991. С. 332–333.

¹⁸ РГАДА. Ф. 156. № 6. Л. 2об.–6.

¹⁹ РНБ. Соф. № 492. Л. 347; ИРЛИ. Браж. № 25. Л. 202об.–203об.; РГБ. Ф. 304. № 429. Л. 354об.–355; РГАДА. Ф. 188. № 1584. Л. 1–2.

²⁰ РГБ. Ф. 178. № 766. Л. 339–339об.

²¹ РНБ. Сол. № 690/751. Л. 117; РГАДА. Ф. 188. № 1585. Л. 1; РГБ. Ф. 304. № 429. Л. 206об.

²² ГИМ. Син. пев. № 1357. Л. 23–24об.; Увар. № 695. Л. 43.

²³ РНБ. Кир. Бел. № 642/889. Л. 100.

²⁴ В записях соответственно указано: «Се Християнин пел, а я назнаменил» (РГАДА, ф. 188, № 1584, л. 4 об.), «Лета 7113 [1605] марта в 15 день, на 5 недели св. Поста, в пяток, взято у Иосифа, Хрес[тианиново] г[лаго]лем[ое], а он взял у Офони Ворогова» (Там же. № 1589. Л. 1).

²⁵ ИРЛИ. Усть-Цилем. № 404. См.: Федор Крестьянин. Стихиры / Публ., расшифр. и исслед. М. В. Бражникова // Памятники русского музыкального искусства. М., 1974. Вып. 3; *Парфентьева Н. В.* Творчество мастеров древнерусского певческого искусства. С. 125–132.

²⁶ РГАДА. Ф. 188. № 1574. Л. 116.

²⁷ Там же. № 1586. Л. 1, 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ФОРМИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Л. Г. Протасов, В. Л. Дьячков

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Теория элит, ныне популярная и даже модная среди историков (во многом под впечатлением наглядного постсоветского опыта), не претендует на универсальное объяснение исторического процесса, но может существенно помочь при изучении истории политической власти. Ее инстру-

ментальные достоинства позволяют персонифицировать историю, предлагают новые критерии – демографические, социальные, психоментальные и пр. Тем важнее она для изучения переломной эпохи России начала XX в., где главными сюжетами остаются революции и человеческий материал, из которого они делались. В советской историографии проблемы формирования, эволюции, поведения политической элиты (государственные деятели, политические партии, общества, группы, течения, политизированная интеллигенция) в условиях революционной России или вовсе не ставились, или решались с позиций узко классового подхода, на весьма ограниченной базе доступных источников. Это не позволяло выйти за круг традиционной агиографии «пламенных революционеров», «замечательных людей», создать движущийся коллективный, но различимый в лицах портрет элит на фоне эпохи.

Расширение в 1990-е гг. круга изучаемых политических организаций, их состава, программ, действий, галереи портретов деятелей революционной России создает необходимую для исследования источниковую базу и возможности многофакторного анализа. Достиганием явилось осознание того, что преобладающей общей социальной базой всех российских партий, негосударственной политической элиты были не пролетариат, буржуазия или крестьянство, а различные этажи маргинальных городских слоев. Указание на соединение в России острых и часто нерешаемых вопросов (аграрный, национальный, рабочий, отношений власти и общества и т. д.) с известными поведенческими качествами маргиналов (агрессивность, беспокойство, честолюбие, эгоцентризм) оказалось плодотворным и объясняло многое, но не все.

Говорить о политической элите России, в принципе, приходится лишь с начала XX в. – со времени оформления в стране многопартийности и основ парламентаризма. Для XIX в. под это понятие не подпадают ни социальная элита в лице дворянства, ни правящая элита в лице бюрократии. Последней, выстроенной в служебно-иерархическом порядке, законом воспрещалась всякая политическая деятельность, ибо власть в традиционном обществе носила сакральный характер и не нуждалась в политических подпорках. Этим понятием нельзя обозначить и группы экстремистов революционного подполья конца XIX в. Оговоримся, что, согласно принятым в литературе критериям, элитам присущи доступ к информации, участие в принятии решений и формировании общественных представлений, целеполагание, дающее образцы поведения для широких слоев общества.

Нами предпринят просопографический анализ биографических материалов активных деятелей главных политических партий, революций 1905–1907 гг., 1917 г. и Гражданской войны (500–1000 человек в каждой группе по категориям: «время и место рождения», «миграции», «соци-

альное происхождение и положение, род занятий», «национальность», «образование», «антропометрические данные», «психосексуальные особенности и особенности формирования жизненного опыта», «продолжительность жизни и причина смерти» и др.). Чем моложе и недообразованней был «активист», чем полнее был его набор причин, формировавших вытесняемые психосексуальные комплексы (малый рост, иные физические недостатки, неблагополучная семья, особенности приобретения сексуального и семейного опыта и т. п.), тем радикальней, «революционней» были его идеи и действия. Показательно уменьшение среднего роста «активиста» параллельно усилению его радикализма: средний рост кадеты – 176 см, эсера-«учредиловца» – 170 см, депутата-большевика – 168 см, у самых активных – 158–166 см (по данным полицейских досье).

Развитие просопографического анализа выявило еще некоторые, необъяснимые прежде закономерности. Так, годы рождений «активистов» в различных группировках (политические партии, депутаты 1–4-й Государственных дум, Учредительного собрания, деятели Гражданской войны) оказывались неравномерно распределенными примерно на полувековом отрезке, а имели явные сгущения и пики в определенные годы (например, 1853–1856, 1866, 1868–1870, 1878–1879, 1881–1885, 1891, 1895–1898 гг.). Вдобавок средняя продолжительность жизни «активистов» при их ненасильственной смерти располагалась на своеобразном круге, в котором сходились радикальные крайности: правые радикалы жили в среднем по 48–52 года, составляющие либерального спектра по 64–70 лет, дольше всех жили правые и умеренные социалисты (эсеры по 72–76 лет, меньшевики по 78–82 года), левые социалисты и радикалы – 50–54 года.

География происхождения «активистов» также вскрывает сочетание модернизации и природно-демографического фактора: революционный «инкубатор» перемещается с Запада и Северо-Запада в центральные, южные, поволжские, черноземные губернии вместе с движением полосы индустриализации, урбанизации и аграрного перенаселения. Большой столичный город уступает первенство в «производстве» будущих политических лидеров провинциальным губернским и уездным центрам, со второй половины 1880-х гг. все больше революционеров из деревни. Примечательно, что не менее 60 % депутатов Учредительного собрания родилось в сельской местности, перебравшись затем в город, которому и обязаны своей политической карьерой. Напротив, либеральный спектр политической элиты был представлен в основном потомственными горожанами. Работал и фактор социального происхождения. Городские низы и средняя часть провинциального города поставляли по преимуществу левых и правых радикалов, верхи средних слоев столиц и иных больших городов давали большинство либералов от энесов до октябристов.

Направление движения модернизации по стране, сопровождавшееся рождением и развитием острых форм массового маргинализма, помогло в значительной мере объяснить особенности национального состава различных политических организаций. Левые радикалы, большевики в первую очередь, оказывались самыми интернациональными по составу (до 50 % великороссов, 25 % евреев, крупные включения, по 6–10 % – прибалтов, поляков, тюркотатар, по 2–3 % грузин, армян, немцев). «Русскость» политической элитарности нарастала по мере приближения к умеренно-либеральному и правому крылам.

Все моложе, а чем моложе, тем радикальнее, становились «активисты». Средний возраст депутата 4-й Думы – 40,5 лет, депутатов Учредительного собрания – 33,5. Налицо резкое омоложение состава законодателей, выдвижение генерации политиков, ориентированных на быструю жизненную карьеру. Показательна малочисленность депутатов в «цветущем» для законотворческой деятельности возрасте – свыше 50 лет. Отсутствовала и преемственность поколений – необходимое условие плодотворной законодательной работы.

Среди социалистов ярко выделяется лидерство уроженцев 1880-х гг. Мощный «выброс» молодых радикалов в начале века имел ряд причин, из которых наиболее важной, по нашему убеждению, был демографический фактор, действовавший наряду с социальным и политическим. Демоситуация в России отражала и воспроизводила противоречия модернизации страны. Деревня была «перегрета» неконтролируемой рождаемостью крестьянства при сокращении детской смертности. В основе демографического поведения крестьян во второй половине XIX в. преобладали биологические факторы. Очередной резкий всплеск рождаемости пришелся на середину 1880-х гг., усугубляя аграрное перенаселение. Природно-демографический конфликт разрешался двояко: вмешательством природы, отреагировавшей повышением смертности, и оттоком в города – простейшим способом сохранения экстенсивного хозяйства. Маргинальная смесь выходцев из деревни и провинциальных городов оказалась «гремучей» – стала средой зарождения и опорой российского революционаризма. Разносистемность города и деревни, высокая скорость движения крестьянской волны обеспечили не переход, не вращание, а ломку прежних укладов жизни и биоритмов. Весь город и значительная часть села оказались в маргинальном, активно-переходном состоянии с развитием неизбежного стресса, индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии.

Демографическая и медицинская статистики позволили выстроить модель 28-летнего цикла, включавшего несколько близких по частоте

ритмов, в котором до поры удерживалось развитие популяций человека. Этот цикл регулировал размножение человека, определял его нишу в биоценозе. Но человек выработал в себе навыки выживания и способности к изменению окружающей среды, и потому население российской деревни, жившей в рамках рутинного земледелия, росло по угрожающей экспоненте. Первая мощная деревенская волна хлынула на город в середине 1840-х гг., затем в конце 1850-х, на рубеже 1860–1870-х и в середине 1880-х гг. Исключительными по массовости и социально-политическим последствиям стали «приливы» второй половины 1890-х.

Самое же главное проявление синергетической связи природных, демографических, социальных и экономических факторов в их воздействии на политическую элиту состояло в следующем. Как показывают расчеты, политические лидеры рождались не только неравномерно, но в строгой «привязке» к определенным годам 28-летнего цикла. Чем тяжелее для живой природы и человека как ее части оказывался тот или иной конкретный «смертный год», тем больше он давал будущих политических вожжаков и тем радикальней были их взгляды и поведение. Циклические демографические волны и соответствующие приливы деревни в города 1860-х – начала 1880-х гг. обеспечили вождями и движущими силами революцию 1905–1907 гг., волны 1890-х и 1907–1913 гг. дали «человеческий материал» для формирования передовой шеренги леворадикального движения, практических деятелей 1917 г., Гражданской войны и первых большевистских лет. Политическая элита революционной России была естественным продуктом форсированной, направляемой модернизации страны, слепком с переходной-неустойчивой социальной структуры общества, выражая преимущественно настроения наименее стабильных ее слоев.

Подведем итог. Политические катаклизмы 1905 и 1917 гг. в России «готовились» не только экономическими и политическими причинами, но и, говоря образно, самой природой, действовавшей по законам биоценоза. В иерархии факторов, обеспечивших российские потрясения первой четверти XX в., природно-хозяйственно-демографическая компонента сыграла базовую роль, определив и поддержав работу других, не столь глубоких, объективных и субъективных факторов. Рискнем утверждать, что демографическое и хозяйственное поведение огромного большинства населения с выталкиванием все больших частей деревенского мира в мир города ввергло Россию в системную катастрофу. Точно так же гипотетический своевременный переход к приоритету социального в хозяйственно-демографическом поведении россиянина перечеркнул бы революционную перспективу при нерешенности всех других вопросов.